

Космологические основы раннепифагорейских акусм

Вероятно ни одна досократическая философская традиция не пережила столько искаженных толкований и фальсификаций еще в те древние времена, сколько пережила их ранняя пифагорейская школа (РПШ). Их учение, и особенно вера в то, что „всё числу подобно“¹, растворилась во „влиянии на Платона“ и в „основах современной науки на заре Нового времени“, в то время как остатки их учения, часто в очень сомнительном виде, ушли далеко за пределы признанной науки и философии, во владение тайных обществ и оккультных писателей. Начиная с Гегеля, философская репутация ранних пифагорейцев уже не самая высокая („счисление же есть дурная манера“² для мысли, т.е. для философа), а некоторые писатели даже совсем их игнорировали как абсолютно неважных в метафизическом смысле — яркий пример, Хайдеггер, который не посвятил им ни одно сочинение.

По нашему мнению, до такой ситуации дело дошло, благодаря способу изучения их наследия.

Как известно, ранние пифагорейцы отличались рядом некоторых особенностей: (а) были организованы как более-менее закрытое общество с, вероятно, разными степенями посвященности во внутреннее знание, (б) имели свои правила поведения и требования к членам, которые не имели связи с внешними общественными правилами (законами), (в) имели космологическое учение, которое в разных инкарнациях — в досократическом стиле — говорило о первопричине космоса и его устройстве, (г) имели для того времени оригинальную антропологию — учение о положении человека в космосе и душе, (д) делали большую ставку на протоматематическую и протогеометрическую активность и на (е) музыкологические исследования. Некоторые исследователи склонны утверждать, что у них была даже своя (ж) религия.³

1. Секст Эмпирик, *Сочинения в двух томах*, Т. 2, Москва: Мысль 1976, 167 („Против арифметиков“).
2. Гегель, Г. В. Ф., *Лекции по истории философии: книга первая*, Москва: Партийное издательство, 1932, 84. В этой традиции активности некоторых ранних пифагорейцев высмеяны как „детские“ (напр. Петрон и Эврит в Guthrie, W.K.C., *A History of Greek Philosophy*, Vol. I, Cambridge: Cambridge University Press 1962, 274–5).
3. Нпр. Zuntz, Günter, *Persephone: Three Essays on Religion and Thought in Magna Graecia*, Oxford: Clarendon Press 1971, 381–3.

После Гегеля практически не было попыток серьезной *философской* интерпретации раннепифагорейского наследия, а еще меньше было попыток обращения к нему как к органическому целому (т.е. построение взаимосвязи между (а)—(ж)). Как „позднее, но достоверное“⁴ усваивается утверждение о разделении ранних пифагорейцев на „математиков“ (*μαθηματικοί*) и „акусматиков“ (*ἀκουσματικοί*); первым приписываются большие заслуги в истории науки и математики, другим же приписывается слепое следование суевериям и отсутствие мыслительного. Если взглянуть на многочисленную современную литературу о РПШ, кроме обычного для нашего времени анализа аутентичности фрагментов, приписываемых РПШ, всё более-менее сводится на то, чтобы (1) определить, насколько достоверными являются наши знания о РПШ и роли самого Пифагора (так называемый „пифагорейский вопрос“), (2) определить, в какой мере активности „математиков“ могут называться наукой или математикой в современном смысле этих слов и (3) установить происхождение их акусм.⁵

Между тем, строгая дисциплина по избеганию проведения анализа небольшого аутентичного наследия РПШ в терминах современной науки приводит нас до интересной картины, в которой вышеописанные особенности РПШ (а)—(ж) могут быть сведены к нескольким мыслительным феноменам. Эти мыслительные феномены по праву можно назвать пифагорейскими интеллектуальными изобретениями: (α) открытие того, что архэ (монада) реализуется путем *конструкции*, самоповторения; (β) при этом монада для реализации своей роли архэ проходит через свою первую инкарнацию, свой первый конструкт, диаду, которая по ряду характеристик является противоположной ей; (γ) дальнейшие потомки этой праначальной пары (точки, линии, плоскости, трехмерные тела...) сохраняют свою строительную мощь, подобность числу и выражаемость им же; (δ) созданный универсум, между тем, часто показывает что-то совсем противоположное, неподобность числу, а тем самым и невыражаемость числом; (ε) этот тревожный факт имеет свои космологические, антропологические и, как мы продемонстрируем, практические последствия.

Подводя итог, попробуем показать, что раннепифагорейский вклад в философию далеко превосходит наделение числа онтологическим значением. На заседании Германевтического кружка мы поставим акцент на одно из самых интересных и потенци-

4. Kahn, Charles H., *Pythagoras and the Pythagoreans: a brief history*, Indianapolis: Hackett Pub, 2001, 72.
5. Даже Пьер Адо, теоретик, известный тем, что ставит акцент на практической стороне греческой философии, и который наделяет акусмы качествами „моральных рекомендаций и теоретических определений“, говорит только о пифагорейской „идее образования, основанного на математике, и возможного применения этой науки к познанию природы“. Он не пытается сами акусмы наделять сущностной связью с той „наукой“, довольствуясь только фразой, что пифагорейские правила делают „образ жизни подобающий философу“ (Адо, Пьер, *Что такое античная философия?*, Москва: Издательство гум. литературы, 1999, 172, 69, 174–5).

ально одно из самых спорных возможных заключений, а именно, что ранние пифагорейцы, намного раньше сократовского „поворота к субъекту“, научно обосновали этику. Раннепифагорейская космология имеет один аксиологический слой, который невозможно найти в современных ему предсократовских космологиях. Несмотря на то, что, скорее всего, невозможно доказать прямую связь, существует огромная согласованность той „этики“ с космологическим учением РПШ, а их правила не случайный набор обработанных народных суеверий, как утверждали многие исследователи.

Интересно, что идея о том, что людям нужно столько новых и сложных правил для ежедневного поведения, появилась в греческой мысли вместе с такой специфической космологией, как у ранних пифагорейцев. Несмотря на то, что исследователи, начиная с Гегеля, часто уменьшают мыслительное значение этих правил и сводят их на обычную любимую практику всех сектантов, совпадение этих правил с космологией и антропологией РПШ является слишком явным для того, чтобы можно было игнорировать его.

Вкратце, можно продемонстрировать, что ранние пифагорейцы были существенно важной точкой европейской интеллектуальной истории, в которой пересекаются *космология* и *этика*, т.е. что именно они начали путь взаимного обуславливания *того что есть* и *того что должно быть*. Также можно рассмотреть еще более сильное утверждение: что они являются основоположниками традиции, в которой человеческие ошибки в поведении имеют онтологическую основу, и что по отношению к этим ошибкам физический свет равнодушен.

Имея все это в виду, сформулируем цели нашей встречи Герменевтического кружка:

- прежде всего, благодаря чтению самых важных фрагментов РПШ, мы увидим специфичность и новые идеи в их космологии и антропологии;
- затем мы сконцентрируемся на нескольких раннепифагорейских кусках и попытаемся показать их совместимость с космологической стороной учения этой школы.